

наблюдательности автора и по добросовестности его показаний, а именно: о соображении наших сведений о краях и соображении одних и тех же важнейших источников для извержения XVIII. В 1^{ей} книге оны описываются "первое путешествие в Москву и покоемные обычаи русских" (прием, празднование Нового года, крестный ход); во 2ой - второе путешествие, изъезд в Москву, предостережение, отпуски в Персию; в 3^{ей} подробно описываются русское государство: области, реки, климат, почва, растения, животный мир, русские, нравы и обычаи, домашний быт, пища, брак, положение женщин, военную власть и политику; о Московских великих князьях, о венчании царей, о доходах и расходах государства, о войсках и воеводах великого князя, о его свадьбе, о возмущении во Пскове, о боярах, приказах, судах, законах и наказаниях, о ремеслах, письмах, явках, чинах, правдыках, богослужении, церквях, о крестном знаменнии, о святцах, о духовенстве и монахах, о погребении и о похоронах и о похоронах исповеданий; в 4ой книге описывается путь из Москвы по рр. Москве, Оке и Волге; далее говорится о Астрахани, Ногайе, о 2^м кораблекрушении, Шемахе и Испahanе; в 5ой заключительная описания персидского царства и, наконец, в 6ой - описывается обратное путешествие, где упоминается о татарях, о прибытии в Москву и о pronta возвращении домой.

§ 26. Записки и мемуары русских людей.

Библиография:

1. Сказания князя Курбского, издан. Устрялова 1833 г.
2. Рукопись Филарета, изд. Фаддеем Мухоморовым 1837 г.
3. Сочинение Коринтияна о России в царствование Алексея Михайловича, изд. Археограф. Комиссией Грота. в 1840, 59 и 57 г.
4. Записки Андрея Артамоновича Матвеева, Миско 1831

Ивана Арханасевича Меладубжского и Петра Никифоровича Крекишца. Изданы Ситаровичъ въ запискахъ русскихъ людей."

5. Жизнь и приключения Андрея Бологова; изд. Русской старины 1871-72.
6. Дневникъ Храповицкаго; изданъ Барсуковыми, послужившимъ въ предисловіи и биографіи его.
7. Дневникъ Порошина; изд. въ 1881г. въ исправленномъ и дополненномъ по новымъ рукописямъ видѣ редакціей "Русскаго Вѣстника".
8. Записки Ник. Алекс. Саблукова; напечат. въ "Рус. Архивѣ" 67г.
9. Записки М.В. Данилова; напечат. въ "Рус. Архивѣ" 1883.
10. Мемуары Екаѣрины Романовны Дашковой въ подлинникѣ пофранцузски; помѣщены въ "Архивѣ кн. Воронцова" кн. XLII, "Mon histoire".
11. Сочиненія Екаѣрины II. Изданы Смородиновымъ.
12. Гротъ. Коринѣиновъ и его сочиненіе. "Свѣт. Отг. рус. языка и словесности" Мип. Ак. Наукъ. 1882г.
13. Печарскій. Русскіе мемуары XVIII в. Собр. 1855г.
14. Геннади. Записки русскихъ людей. "Ученія въ Москвѣ. Общ. Исторіи и Древностей". 1861.
15. Сухомлиновъ. Исторія русской Акад. Наукъ. ч. 1-я 183 (о Дашковой).
16. Селевскій. О Дашковой. Русская Старина. 1879.
17. Печарскій. Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екаѣрины В. (СПб. 1863).
18. Селевскій. "Дневникъ Порошина". Русский Вѣстникъ. 1866г.
19. Мушкетерскій. Императрица-публицистка. (СПб. 1887г.).

Записки и письма русскихъ людей представляютъ собою видъ историческаго матеріала, получившаго начало въ XVI. До этого времени мы видимъ

записки, отдельные сказания и жития. Они представляють или
 записки современниковъ описывающихъ или событій, такъ на-
 правляя записки, которыя ведутся изъ добрыхъ видовъ, или воспомина-
 ния человека прошедшаго, или мемуары событій, участвовавшихъ
 въ нихъ сами авторы. Въ этихъ изъ трехъ родовъ и недостат-
 ки. Они не имють характера официальнаго, такъ авторы
 не сражъ большого чистоты и кардинала правления и записыва-
 ния или событій не имють государственной важности. Впрочемъ,
 некоторые изъ нихъ народились близко у дна правления, и такая
 записка очень важна. Но если даже въ мемуарахъ описывается
 частное событїе, то и тогда они имють важное значеніе, какъ
 источникъ оныхъ то или друга подробностей, освѣтитъ ту
 или другую сторону известнаго событїя. Несмотря, однако,
 на такое относительное важное значеніе записокъ современниковъ,
 необходимо приходится или пользоваться, или въ виду, управ-
 лять ихъ склонны къ субъективизму и тенденціозности; необходи-
 мость критики, съ одной стороны обуславливаетъ то, что
 автору свойственно преувеличивать событїя, въ которыхъ онъ уча-
 ствовалъ лично, а съ другой — то, что много мемуар^{истиче}скихъ
 или записокъ частными историками. Записки эти по
 времени, въ которомъ они описаны, можно раздѣлить на
 три группы: 1) Записки русскихъ людей до-Петровской эпо-
 хи; 2) Петровской эпохи и 3) послѣ Петровской.

Записки русскихъ людей до-Петровской эпохи.

Здесь на первомъ планѣ сражъ записки князя Курбскаго;
 главное сочиненіе его „Исторія великаго князя Московскаго“
 написанное въ форме мемуаровъ. Князь Андрей Михайло-
 вичъ Курбскій, по происхожденію половецъ Ярославскій кня-
 зь враждовавший съ князьями московскими; съ раннихъ
 лѣтъ находился на службѣ у великаго князя Московскаго,
 онъ участвовалъ въ казанской походѣ и въ походѣ противъ
 крымцевъ; далѣе служилъ во все царствованіе Ивана Гроз-
 ного вплоть до 1563г., когда перешелъ въ Литву. Съ э-
 того времени начинается его извѣстная переписка съ Грознымъ

Въ 1663г. онъ написалъ первое свое письмо къ Ивану W, на которое въ скоромъ времени получилъ отвѣтъ. Поводомъ къ написанію "Исторіи вел. кн. московскаго" послужили вопросы по поводу извѣстныхъ мужей, — почему произошли перемѣны въ характерѣ Ивана Грознаго. Содержаніе его исторіи занимаетъ значительную часть царствованія Грознаго, начиная съ его воспитанія. Онъ говоритъ о потворствѣ бояръ, результатовъ чего было развращеніе и интрижки, о мучахъ въ исправленіи Ивана подъ вліяніемъ Симеона и Адашева, о казанскихъ походахъ, о покореніи Астрахани и Ливонской войны. Вторая часть говоритъ, "о мучахъ двора". Зудъ онъ рассказываетъ о поведеніи боярскихъ и дворянскихъ родовъ, о страданіи священниковъ и въ заключеніе сравниваетъ Иоанна съ другими мучимыми. Про сочиненіе Курдскаго замечательно отмечается, что въ этихъ историческихъ попыткахъ до XVII в., — оно проникнуто прагматизмомъ. Основная мысль сочиненія заключается въ томъ, что Иванъ въ первую половину своего царствованія, находясь подъ вліяніемъ добрыхъ советниковъ, стяжалъ себѣ славу, но потомъ изъ-за добрыхъ советниковъ, изъ-за славы. Историческое значеніе этого сочиненія очень велико, какъ современника и человека умнаго и очень образованнаго по своему времени, но въ тоже время оно въ высшей степени фреденциозно. Это скорее памфлетъ, особенно вторая часть, чѣмъ строгое объективное изслѣдованіе, однако, не смотря на это, рассказы Курдскаго о мучимыхъ Грознаго почти все подтверждается другими источниками. При чтеніи исторіи Курдскаго необходимо принять во вниманіе собственное свидѣтельство самого Грознаго — по его собственному письму. Курдскій говоря о порокахъ наклонностямъ, не указываетъ на причины. Грозный же указываетъ на дурное воспитаніе, на фактъ боярскаго самовластія и т.д. Письма Ивана должны поправить и исправить исторію Курдскаго. Литературное значеніе этого памфлета также очень велико; при сравненіи писемъ Ивана съ сочиненіями Курдскаго замечна громадная разниця. Несмотря на Курдскій

успешно исполнило, что по письму — наборы материалов, трудно описать. Напротив, сочинения Курбского читаются в удовольствие и в настоящее время; они лучший материал своего времени. Его сочинения издавать в двух томах. Третьим.

Сказанія объ осаде Троицко-Сергиева монастыря Авраамія Паминина. Сочинение это обвиняется эпоху кончины Ивана Васильевича до воцарения Михаила Федоровича и особенно останавливается на смутном времени и осаде монастыря. Главный его недостаток состоит в том, что он слишком преувеличивает значение древней Троицкой обители и своих сочинений.

Рукопись Филарета (от 1606—1613) по позднейшим изысканиям не подтверждается, а была только составлена в его время и была исправлена. В этом сочинении особенно интересны данные о Скопине Шуйском, Ляпунов и Чернышев.

О России в царствование Алексея Михайловича — Курбский. Это чрезвычайно важный исторический памятник Курбский — подьячий Московского приказа. Когда князь Долгорукий побуждал его сдать ложный доклад и угрожал ему, он уезжал в Польшу, а потом в Швецию, где написал свое сочинение, которое было найдено в городе Упсале профессором Соловьевым. Теперь оно вошло уже третьим изданием. Состоит из 13 глав, разданных на 234 статьи и рисует подробно все внутреннее состояние Московского государства, много в виду, глав. обр., иностранную публику. Курбский подробно коснулся всего устройства государственного управления, суда и судопроизводства и материально нарисовал картину пригородных, общественных и частных обочин эпохи. Много сведений находим у него о делах военных, торговых и земских; о церкви почти ничего. По своему огромному значению памятник этот может быть поставлен наряду с сочинениями Свѣта Кривошанина. Таковы главные

писки русских людей до Петровской эпохи.

Записки русских людей Петровской эпохи.

Записки Симеона Междодева. Междодев был подвиж-
ник; поборник славянолюбия словесно у Симеона Полоц-
кого и прославился своими спорами о греческих учени-
ках; заступил отъ являея въ качествъ строителя и настрояея
Законоспаскаго монастыря; за укасе въ воровствъ строгосу-
казанъ дукъ былъ казненъ. Въ своемъ сочиненіи, онъ изобразилъ
первый строгосудскій дукъ 1686г. Онъ большой поклонникъ ца-
ревны Софьи и относится къ ней съ большимъ пристрастіемъ.
Междодев имѣлъ свободный доступъ ко двору и былъ кан-
целяремъ въ патриархи. Этою близкостю къ думамъ и под-
визаея, почему мы находимъ въ его сочиненіи большое коли-
чество официальныхъ документовъ. Значеніе это памятни-
ка для исторіи 1го строгосудскаго дукъа велико.

Записки графа Андрея Артамоновича Матвѣ-
ева, оставившаго по себѣ воспоминаніе, какъ объ образован-
номъ чловѣкѣ своего времени и подорникѣ европейскаго
просвѣщенія. Авторъ былъ сынъ боярина времени Александра
Михайловича, извѣстнаго своею плачевною судьбою; онъ под-
верженъ опалѣ и ссылки, поборникъ вернувшись, срылся въ
дѣлѣ и жертвою строгосудскаго дукъа. Автору было
тогда только 16 лѣтъ, и онъ составилъ поборникъ разсказъ объ этихъ
событіяхъ по своимъ воспоминаніямъ. Часть его сочиненія вы-
ражена въ таковыя слова: „сей авторъ не за молодостею своею и
не за праздною себѣ хвалу, кодыя общій вѣсьмъ памя-
ти оныхъ потишина сей малой трудъ принять, дабы
всегда въ Россійскомъ государствѣ благоразумны и много-
любны чина, вразумляющіеся поспѣшно къ будущему
успѣху своему, для познанія родящихся соновей своего
рода въ родѣ „оставивши незабвенно.“ Эти записки и упомяну-
тая нами Симеона Междодева взаимно дополняютъ
другъ друга и служатъ важными матеріалами для
описываемой эпохи.

Записки Мелюбужскаго (съ 1682 - 1709) представляют собою краткій сухой дневникъ, просто собраннаго матеріала, относящагося до суда и наказаній за преступленія, что даетъ намъ поводъ думать, что онъ служилъ въ судѣ. Отсюда можно вернута въ факты другого рода; таковы, напр., разсказы о сѣвѣ южельскихъ, интересной для характеристики правовъ того времени и соображеній въ томъ, какъ зрѣлъ мужикъ и охоты одурячить народъ съ цѣлю возманивъ деньги, но разсказы, относящіяся только къ рѣшѣ, чтобы по рѣшѣ только разскажутъ о наказаніи и судѣ, которые служили ему за его плутни. Записки эти содержатъ много оффиціальнаго документарнаго.

Записки новгородскаго дворянина Крешинска. Крешинскъ служилъ при Петрѣ Великомъ и былъ подверженъ суду за взятки; по рѣшѣ былъ помилованъ и всю жизнь посвящая собранію матеріала о Петрѣ Великомъ. Онъ былъ вооруженнымъ поклонникомъ Петра. И потому онъ собиралъ матеріалъ и потому они дополнялись въ рѣшеніе. Была, по сохранилось изъ этого только начало царствованія Петра съ рожденія до Азовскихъ походовъ включительно.

Исканы Сазаровы въ „Сказаніяхъ русскаго народа“. Характерной чертой записокъ является полное отсутствіе критики; извѣстна тенденція въ историческомъ сборникѣ, которая и стараея утвердить истину въ провозглашеніи. Записки содержатъ, впрочемъ, много оффиціальнаго документарнаго. Для того, чтобы покорить съ записками русскіхъ людей Петровской эпохи, намъ остается разсмотрѣть путешествіенныя записки русскіхъ молодыхъ людей, посланныхъ Петромъ Великимъ за границу. Записки Неплюева начинаются вѣнчаніемъ Петра Великаго и кончатся царствованіемъ Екатерины II. Записки эти заключаютъ въ себѣ рядъ разсказовъ, характеризующихъ жизнь молодыхъ людей, отправляемыхъ Петромъ за границу и рядъ впечатлѣній.

ний ихъ ихъ путешествій и ихъ заграничной жизни.

Петлюевъ передаетъ, что, ухитрясь они въ Академіи съ французскими гарде-маринами навигации, инженерами, артиллериі, рисовать магіабы, какъ корабли строятся, вою маневры, т.е. оснащать корабли, артиллерию, солдатскому танцевать, на шпалахъ биться, на лошадахъ поддти. Когда онъ пріѣхалъ въ Амстердамъ, тамъ было около 50 русскихъ; они обучались экипажеску, механикѣ, шовному и сюрмарному ремесламъ. Положеніе русскихъ людей за границей было почти что очень затруднительно во тѣ, отъ неумѣнія иностраннаго языка и потому отъ скѣднаго имъ содержанія, содержавшихъ челоуки постранныя жалобы и просьбы вернуться домой. По возвращеніи домой имъ самимъ Петровъ былъ учрежденъ экзамента. Петлюевъ вѣстательно оловъ держалъ и былъ определенъ къ навигаціонному отъу-дѣлу. Тамъ Петлюевъ отыскиваетъ свое пребываніе въ Конста-тинуполь, когда онъ отправился домой туда въ качестве посла. Но самый интересный рядъ разсказовъ относится къ тому времени, когда онъ управлялъ Оренбургскими кра-ями. Основное содержаніе записокъ относится къ предки-камъ Петра Великаго. Петлюевъ типомъ Петра и восхищенный его поклонникъ; къ ео реформаторской дѣ-ятельности онъ прешполагаетъ самымъ высокимъ члвчест-вомъ. Сей монархъ охотство наше привелъ въ сравненіе съ прои-ми, научилъ узнавать, что и имъ люди, одними словами, на что въ Россіи не взиали, все ео началомъ шло и что-бы впередъ не дѣлалось, отъ сего источника черпать ду-дуть. Приведши еще нѣкоторыя отрывки изъ записокъ Молодцова еиодей, посланныхъ Петрову за границу. Они расходятъ къ современному Россіи, но тамъ авторомъ и въ положеніе, въ которомъ они очутились въ чуждо-мъ странѣ. Образованіе ихъ весьма поведеностное, что и отражается въ ихъ запискахъ. Вотъ, напр., выдержка изъ дневника Молодцова: „Есть въ Варшавѣ одна палата

вилка, которую поляки называютъ шва сенаурская; въ три
 палатъ у поляковъ два сѣмьи; у которой палаты окна ве-
 шкия и оконныя двѣ сѣмьи сѣмьи, все повешено и
 окна раздѣлы отъ кестройкалосовъ и отъ кестройкалоса, во
 всякомъ дѣлѣ, пѣньи поляковъ, а похвалы королевскія па-
 латы отъ той палаты далеко". Авторъ этой выдержки,
 бывавъ въ Варшавѣ, рѣшительно обратилъ вниманіе на окна.
 Еще нѣкоторые описанія о германскомъ народѣ: "на-
 родъ германскій мужеска полу и женска немалодѣ-
 лѣнъ и убогъ; много поселяне носятъ кафтанъ сермяжисты,
 также и женскій полъ германскій платья носятъ
 свободъ модою, зѣло короткія — только похвалы, а на го-
 ловѣ женскій полъ носятъ шляпы высокія, тонкія, ва-
 ленныя и въ бараньей шерсти; около шеи носятъ широкія
 полотняныя брѣшкетки, какъ жиды и жидовки но-
 сятъ, которые тавятъ въ Польшѣ. Вода въ Германіи зѣло по-
 употребленію Пеловъ и кестройкалоса... отъ того воды въ Гер-
 маніи люди много мужеска и женска полу широкіе
 подбородки и зѣло великіе около шеи, а пале на горла-
 ныхъ жемчуги великіе, и отъ того много и въ нихъ го-
 ворятъ о великой трудности". Затѣмъ онъ описываетъ
 Венецію и нравы ея жителей: "Народъ женскій въ Венеціи
 зѣло благообразенъ и строенъ и полнотенъ, тонко и
 во всемъ изряденъ, а къ руркони дѣлу не очень охотъ; ба-
 ше заживаютъ въ промѣдѣ — всегда модѣ и шляпѣ
 и въ въ заботахъ и ко грѣху тѣлесному зѣло сла-
 бы. Все время Карнавала ходятъ все въ маскарахъ
 мужичины и жены и дѣтви и шляпѣ все невозбранно,
 и грѣхъ охотѣ и ни на кого не знають". А вотъ, напр., вы-
 держка изъ дневника неидеальнаго, который долгое вре-
 мя приписывали Петру Великому, но оказалось, что онъ
 принадлежитъ одному изъ молодыхъ людей, послан-
 ныхъ Петромъ въ границу: "было, гдѣ собираются два
 жды на недѣлю ученье моды и диспутуютъ проше-
 Милостивъ

жду собой о разных вещах: богословских и философских; видны
розы, у которой пила на носу - величина она с небольшим дь-
му; тут же видны розы, которая обвивалась кордъи
она маленькая, прилипает ко рту инокше и от того об-
вивалась кордъи... Еще более характерно его описание фонтя-
на въ Тенурь, сооруженнаго знаменитымъ изобретателемъ Фонтя-
ны превращающаго: три лошади, на нихъ сидятъ; у средней
лошади изъ живота вода течетъ, а у двухъ ивъ козлей; кру-
гаше урлы лошадей рожьтки маленькие ивъ мрамора выст-
яютъ, сидятъ и воду пьютъ. "Все эти дневники представля-
ютъ немалый интересъ для характеристики умственнаго со-
стоянія людей Петровской эпохи. Этими мы и покон-
чимъ съ эпохой Петра и перейдемъ къ следующеи.

Мемуары русскихъ людей при преемникахъ Пет-
ра Великаго. Въ теченіи времени число записокъ и ме-
муаровъ постоянно увеличивается. Выбираемъ представляю-
щій наибольшій интересъ.

Записки фельдмаршала Миниха и сына его Эрнста
Миниха. Фельдмаршалъ Минихъ представляеть изъ се-
бя умнаго и наиболѣе талантливаго человека и талантлива-
го писателя, который сочиненіемъ своимъ далъ иностранцамъ
покаже оцѣнокъ внутренняго состояния Россіи послѣ Петра Велика-
го. Сынъ его, Эрнстъ Минихъ, написалъ сочиненіе: "Записки
р. Миниха, сына фельдмаршала, писанныя имъ для
дочери своей," которое заключаетъ рядъ разсказовъ описываю-
щихъ вѣщеніи его отца и дѣлаетъ вѣрные характеристи-
ки Анны Ивановны и въ царедворцевъ. Они написаны про-
сто и безыскусственно

Записки Екатерины II.

Записки Якова Шаховскаго (1719-1766) интересны для
характеристики внутреннихъ отношеній въ государствѣ.
Яковъ Шаховской - дѣятель и санаторъ временъ Елизаветы
Петровны и Екатерины II. Серьезу свою онъ началъ въ
полю; потомъ отправился въ Малороссію къ своему де-

дъ, правдиво посповней. Ему уже открывалась видная карьер-
 ра, когда судьба послала раба характерных испаней. Отъ него
 спорились съ биронами, защищая свободу дакия Ансера-
 ма; но въ тоже время находить себѣ покровительство у Арталия
 Волынского, о приятномъ знакомствѣ съ которымъ онъ подробно
 рассказываетъ въ своей запискѣ. Однако, Волынский скоро
 былъ преданъ всемогущимъ временническимъ суду и казнѣ; по-
 томъ взялись и за любимцевъ Волынского; такимъ обра-
 зомъ, планы Шаховского не осуществились, и онъ принужденъ
 былъ удовольствоваться скромными мѣстами въ полиціи.
 Рассказываетъ онъ, между прочимъ, какъ однажды его при-
 масили биронъ, какъ онъ вошелъ въ переднюю, гдѣ толпи-
 лись люди, унылые и зловѣщныя, какъ биронъ посадилъ
 его, предложивъ кофе, обласкавъ; шепотомъ опять зароч-
 нились у него въ голову, какъ вдругъ биронъ былъ свер-
 нутъ, и мѣсто его заняло новое правительство въ лицахъ
 Анны Леопольдовны и Минина. Опять повторилась
 прежняя исторія, — онъ снискалъ расположение Головки-
 на, судьба ему уже улыбалась, какъ вдругъ произошли
 дворцовый переворотъ и на престолъ вступила Елиза-
 вѣта Петровна. Испытавъ столько превратностей, онъ
 наконецъ, назначенъ былъ Оверъ-Прокуроромъ Синода; ка-
 тѣ здрѣсь и пришлось ему выдерживать борозду, но все же онъ
 рассказываетъ намъ о своихъ приятныхъ вѣселяхъ, какъ
 повстрѣялся въ Синодѣ, какъ пришлось быть ему и играть
 почетную роль и т. д. Потомъ онъ долъ назначенъ ин-
 тра-комиссаромъ и оверъ-прокуроромъ въ Сенатъ; а въ
 началѣ царствования Екаѣрины II Сенаторомъ, при-
 нимаю въ комиссіи уложения и наконецъ, вошелъ
 въ ордаку. Какъ мы видимъ, записки Шаховского зна-
 маютъ насъ только о его служебной дѣятельности, —
 разъ былъ только въ комедіи, говоритъ онъ, да и тогда
 малъ тамъ одомашненъ; но въ зрѣлихъ то ихъ и интерес-
 нѣе знакомая намъ о законодательной дѣятельности

правительства; они же раскрываются перед нами во всем
производстве и судопроизводстве в Синоде и Сенате.
Шингарь, по которому интерес и алчность энциклопедистов
ни. Однако же он проектировал отвести часть император-
ских покоев под библиотеку и за это посылал укрыв-
— поименный опасный человек в его, Шаровского, квартиру,
при этом не стесняясь его кабинетом и спальней. По-
том же ему пришлось отправлять в ссылку Остермана и
Головкина, своих давних знакомых. В введении
он говорит, что его заставило писать записки, это—
просьба некоторых добрых людей и служебное настояние.
Характерные черты автора записок: — неподкупная честность,
прямота и честность. Честность его подвергалась однажды
волею ищущей. Он предлагал, чтобы судно для ар-
мии покупалось в России, а не привозилось из Англии. Ему
предложена была взятка в 25 тысяч рублей, но он, ко-
тля и не без борьбы, отказался от нее. Это харак-
ризует его честность, столь редкую в то время.
Далее записок является характерным образцом
языка, господствовавшего в дипломатическом веча-
тве и в Синоде.

41) Записки артиллерии майора Михаила
Васильевича Данилова, написанные им в 1874 г.,
являются одним из любопытнейших источников
для внутренней истории XVIII в. Данилов —
сын небогатого помещика, получил первоначальное об-
разование у отца и в родственных домах, потом в артилле-
рийской школе. Дослужившись до офицера, он в юности
занимался приготовлением фейерверков. Более подробное
рассмотрение его биографии может дать нам опре-
деленное понятие о жизни современника ему дворянства.
До поступления в артиллерийскую школу Данилов вынужден
сознанием у себя удельного буржуазного. Вот как описывает
Данилов вспоминает об этом времени: „паче всего

мнѣ мое ученье у бурдастаго и поднесъ по той, можетъ
 быть, причине, что чаю меня стоили мзоту; а не могу при-
 знаться по справедливости, что во мнѣ были тогда мѣ-
 нѣе или управленію, а учился я по помощи любезныхъ приме-
 нѣ и училъ мой задавалъ мнѣ урокъ учить весьма усорен-
 ный по моей силѣ, который я затвердивалъ скоро, какъ
 какъ намъ, кромѣ однова, нигде отъ бурдастаго отуска-
 ни на мановище время не было, а сидѣли на скамейкахъ
 ежедневно въ доліе любезные дни великое усердіе прѣд-
 вами, то а отъ такого вседневнаго сидѣнія ослабѣвалъ
 рѣ, что голова моя дѣлалась забывчива и все, что выучилъ
 забывалъ, при сидѣніи урока, въ вечеру и половини
 прочитать не могъ, за что поамодная ревностія меня,
 какъ непонятнаго, "сочъ". Когда бурдастый отлучался
 въ школы, жена его подучивала учениковъ кричать гро-
 мко, чтобы показать, что они занимающа, кричать хоромъ
 и не то, что учимъ. Потомъ въ его отсутствіе однажды повто-
 рилъ кофѣ и оставалъ его, за что бурдастый отпустилъ
 такими же образомъ. Изъ школы Даниловъ долѣ отвезенъ
 въ догадѣ, поотвѣнниче, "чтобы ученикъ учить и пи-
 санику съ дѣлать компанію", но компанія эта состоя-
 ла изъ трехъ, что, такъ какъ вдова давала своего писани-
 ка и не принуждала его заниматься, то они ничего не
 дѣлали, а за всякую проделку писаника отвѣча-
 ли Даниловъ и изъ учитель; такъ, однажды писани-
 кинъ поспивалъ яблоки съ дерева и вдова въ страхъ
 писанику приказала поднять училъ на мое на
 козелъ и съ нимъ его долгое время не имѣло, приходя:
 "не сдвигай яблокъ съ яблони". Потомъ вдова приказала
 и меня поднять на козелъ и было много удара три под-
 ренъ въ спину, хотя я, какъ и училъ насъ, яблокъ
 нудъ не сдвигалъ. Писанику вдова и вѣнны сдѣла-
 рѣко выговоръ, а поамъ поучивать его, сказала:—"чаю
 ко ты, Иванушка, давича испулся, когда съ нимъ вѣнны

товарищей; не бойся, ^{золотых} а тебя никогда стыть не стану." Займись Даниловъ ^{подружился} въ артиллерійскую школу. Проходя однажды по Петербургу, онъ долго прилаживалъ одной дамой перелазить къ ней, чтобы устроить ее сына американца, но вскорѣ дружная родственница перелазилась его упрости въ помощь въ школу, которой тоже числился въ артиллерійской школѣ; но толку отъ этой помощи не вышло никакого, такъ какъ онъ, великій былъ шашуръ и ничего устроить не хотѣлъ. Далѣе Даниловъ описываетъ свое предвѣніе въ Данковъ, въ гостяхъ у своего родственника Ерюкова: отпустилъ насъ на недѣлю Рождества Христова воевода съ сыномъ потому звать Христа славишь и за нами посылаешь повода по патнѣ и долги пороки нашей сажай на подаваніе за славеніе: мы каждый день привозимъ помяну за нами поводы полны мѣломъ и живыми курами и поновскому декемъ. При этомъ славеніи нашихъ посмотрѣлся я, у воеводскихъ мѣдовъ покуриваютъ въ угодъ нахалнивыя и зверяковъ городскихъ равельщиковъ... Интересный разсказъ приводитъ Даниловъ о своемъ зятѣ Астафьевѣ, который имѣлъ гражданское состояніе, очень неохотно суживъ въ полку, но какъ въ отставку тогда нѣмѣя было выходить, то онъ звалъ годовые отпуски за вятки мѣдами, которыхъ онъ дарилъ покровому секретарю. Секретарь былъ доволенъ, когда за нами поведемъ дѣлѣ двѣнадцатъ мѣдескаго пола съ женами и дѣтьми. Маленькій интересъ представляетъ и описаніе аматорныхъ невожѣ, которые были назначены при помощи одной старушки въ церковь.

Записки Андрея Тимофеевича Болотова
(1740-1796). Биографія Болотова начинается предисловіемъ. Онъ сынъ дворянина туркской губерніи; убитъ насильемъ у старика малороссіанина

и при этом обнаруживших такую способность, что сумел изобрести, кроме той ушлой и кумышечной езды, для молоденьких наемных учителей-офицеров Миллер, который, однако, по своей неспособности, принес мало пользы молодой Болотову. Тогда он был отправлен к курляндцу Надельборсту, во время пребывания в доме которого он изучил польский язык. Затем он был определен в пансион в Берлине, где изучил французский язык, географию и рисование; на историю же обращал очень мало внимания. Однако Болотов французский язык здесь не изучил, польский же забыл. Также мало пользы принес ему и черчение Лаги, под руководством которого он был впоследствии отдан в образование свое Болотов дополнял по своим собственным духовным книгам. В двадцати семи лет, войдя в службу, он посвятил себя литературной деятельности; сочинений его довольно много. Записки его касаются, главным образом, жизни императора Александра; он очень многого видел и потому дает нам массу материалов; речь его проста и даже наивна.

В последние царствования Екатерины II относятся любопытные записки статей-секретарей Краповицкого и Градовского. Записки Краповицкого, при всей своей откровенности, замечательны в себе самым разнообразным материалом в историческом отношении, очень важный для характеристики двора, а также императрицы и ее личной деятельности. Кроме того, в записках раздросано много любопытных замечаний относительно фаворитов Екатерины II и вообще людей, ее окружавших. Много важное значение имеют записки Градовского, хотя нельзя согласиться со строгими приговорами профессора Бестужева-Рюмина, когда он говорит, что записки Градовского безвредны. Автор, правда, отпикивается малоспособностью; но это не мешает ему в качестве наивного повествователя,

не касаясь важных вещей, передать много любопытного о вели-
маках и вообще о нравах того времени.

В начале царствования Екатерины II откосяря запис-
ки Екатерины Романовны Дашковой, вышедшие в Лондо-
не, в записках княгини Дашковой мы замечаем такую
особенность: автор всегда старается выставить свою лич-
ность. Нельзя, конечно, отрицать, что историческое прошлое
давало некоторое право автору говорить о своем я, но не в
такой, однако, мере, как это позволяет себе автор, говоря,
напр., о перевороте 1792 и той роли, которую ему пришлось
выполнить тогда. Вообще, в записках Дашковой невоз-
можно отнестись с осторожностью.

Во введении Павла Петровича отсылаю к нескольким за-
пискам; из них самая важная и интересная записка
Симеона Андреевича Порошина. Будучи одним из учени-
ков моего друга Павла Петровича, Порошин в своей за-
писке передает много важных подробностей о лич-
ности Павла, о его воспитании, способностях, о мненьях его окру-
жающих. Все это много более интересный материал, чем Павел
Петрович писал в истории является многою мало
выясненным. Свои записки Порошин писал в виде днев-
ника, где по мере возможности писал, что говорил, что делал
Павел Петрович в разные дни: когда бегал, когда мо-
гился спать, что занимался и как устроивался. Вот как, напр., Порошин отзывается о способно-
стях к математике Павла Петровича: «Если бы его
Ваше Высокоблагородие был партикулярный и мог со-
вершенно предаваться одному только математиче-
скому учению, то бы по остроумию своему весьма
удовольствие имел нашими российскими Паскалем».
Конечно, это преувеличено, и подробно Порошинство
отзывается о математических способностях Пав-
ла Петровича вот что: «сегодня при учении моего
самого Его Высокоблагородия с удовольствием принимал»,

это когда неравное число или нечетное выйдешь из числа / рав-
ного или четного, остаток всегда будет нечет." А вот
каковыя другія черты, которыя тогда уже промывали
в Павла Петровича и которыя въ будущем онъ въдалъ
внимъ ошитокали. Въ дворцовомъ репертё было пограниче-
ко за правило, чтобы никто изъ присутствующихъ не апо-
дировалъ раньше, чѣмъ канцлеръ Скавронскаго. Однажды
Екатерина въ театрѣ не была. Кто-то уже изъ публики
аплодировалъ; обожженный цесаревичъ, возвращаясь до-
мой, замечаетъ: „я не слышалъ, чтобы государыня прика-
зывала изволила, чтобы прислуга аплодировала, ко-
гда я не занятъ. Впередъ я выпрошу, чтобы тутъ можно
было высматывать воны, которые канцлеръ при мнѣ хло-
паетъ, когда я не хлопаетъ. Это противъ благоприсойно-
сти." Кроме вепычливости и чуждого въ характерѣ
Павла Петровича была и другая странная черта; это
спяшность безъ сна. У него въ высочайша ужасная привычка
чтобы спяшность во всемъ: спяшность въ развѣ, спяшность
курить, спяшность опочивать ложиться. Передъ
входомъ за часъ еще времени или болѣе долго, какъ
за сномъ обыкновенно у насъ садятся (т.е. въ началѣ бра-
вого часу), засымаютъ тайно къ Никитѣ Ивановичу
исф-фурьера, чтобы спроситься, не прикажетъ ли заку-
шаніемъ послать, и все хитроути употребляетъ, что-
бы хотя нѣсколько минутъ выспаться, чтобы за сномъ
снѣтъ пораннее. Объ утреннѣ такъ же заботы. „Вѣ-
щій выводъ изъ записокъ Порошина такой: „о ваши-
таніи Павла Петровича задохнулись; лица, къ нему
приставленныя, какъ братья Панины, действова-
ли развивающіе образчикъ на него; способности
и Павла Петровича были хорошия и изъ него много
шлито развитой человекъ.“

Въ этому же времени относяся записки Сав-
урова, заключающія въ себѣ сновденія о головахъ
Листъ 15.

тельныхъ качествахъ императора Павла. При вступле-
нии на престолъ, разсказываетъ Салуховъ, Павелъ прика-
залъ вырубать въ своемъ дворцѣ маленькое окошко,
куда опускали прощенья, объѣзжъ на которыхъ Павелъ при-
казывалъ печатать въ газетахъ.

Ховрешени Павла Петровича относятся рассказы, записанные сословъ Котлудинскаго. Какъ Саблуковъ, такъ и Котлудинскій срались подвору очень много, а потому передали не мало интереснаго, сводящій опридворной жизни того времени.

Въ царствованіи Александра I относится много
жестокости мемуаровъ. Записки Филиппа Филипповича
Виллена должны занять между ними первое мѣсто.
Печатались они сначала въ Русскомъ вѣстникѣ, а по-
томъ во всемъ обширномъ изданіи въ тѣхъ частяхъ
съ сокращеніями и выпусками. Полный оригиналъ
этихъ записокъ хранится въ Императорской публич-
ной библіотекѣ. Несмотря на сокращенія и выпус-
ки, видно, что авторъ — личность даровитая, свѣдѣ-
ливая мемуарный талантъ. Достоинство эти
авторъ очень хорошо въ себѣ сознавалъ, хотя и говоритъ
въ запискахъ о себѣ очень скромно, оъ самаго ранне-
го, говоритъ авторъ, приростомъ и доростомъ въ
осужденіи, по мнѣнію моему, болѣе чѣмъ на нѣко-
лѣтство, во всемъ пошлѣе отъ судьбы въ удѣлъ
посредственности, а, однако, безъудовольствію много
съ мѣртвами и нѣтъ моихъ соотечественниковъ,
бывъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ просвѣ-
дѣнными и нѣтъ нѣтъ. Тутъ и невольно мнѣ
факты вовсе не чужды — я не убогаюсь даже оубище-
тъ и не оправдываюсь оъ знакомствѣ съ богатыми: оъ
знатнаго до простолюдина все сознаніе мнѣ было
извѣстно. На ряду съ напускною скромностію въ
этихъ словахъ видно и сознаніе своею многосторонностію

способностей. Записки Вилеля, какъ выше было сказано, изданы въ три части. Въ первой части авторъ говоритъ о дворянствѣ при Екатеринѣ II, о кievскихъ обществахъ, и вообще о пришлое въ Россію общество, о французскихъ литераторахъ при Павлѣ Петровичѣ, которые участвовали въ революціонной Франціи. Во второй части о гвардіи при Александрѣ I-мъ: Сперанскій, Мордвиковъ, петербургское общество, о посольствѣ въ Китай. Въ 3-ей посольствѣ Ф. Ф. Вилель самъ принималъ участие и посольство описалъ это путешествие съ свойственной ему наблюдательностью. Въ третьей части авторъ говоритъ о перемены въ министерствѣ, о новомъ министерствѣ Рукавицына, о государственномъ советѣ, о литературѣ и журналистѣ. Въ четвертой части о правительственныхъ и литературномъ обществахъ, въ отъѣздѣ Мордвикова. Въ пятой и шестой частяхъ о петербургскомъ обществѣ после войны 12го года, о военныхъ поселеніяхъ Аракчеева. Въ 7ой части Вилель говоритъ о реакціи и господствѣ Магницкаго.

Въ запискахъ Ф. Ф. Вилеля очень мало находимъ ни положительныхъ характеристикъ; авторъ — человекъ съ страстью; относится строго къ людям; отчасти личность, какъ Сперанскій и Крыловъ, авторъ отнюдь не отрицательный. Только о Жуковскомъ въ запискахъ Вилеля мы находимъ несколько положительныхъ словъ.

Къ Александро-Николаевскому времени относятся воспоминанія Панаева, Шамшова, и семейная хроника Аксакова. Въ послѣдней авторъ почтически воспроизводитъ жизнь дворянъ того времени.

Письма. Какъ историческій матеріалъ письма подходятъ подъ разрядъ писемъ. Первые письма, имѣющіе такое значеніе,

- 1) можно назвать письмо Владимира Мономаха
къ Олегу Чернигово-стверскому князю. Чуть дальше,
еще число писем Гюльевича дошло и дошло. По
времени они относятся къ удельному периоду, Московско-
му, Петровской эпохѣ, эпохѣ Екатерины, Александ-
ра I и т. д. Знаменитая переписка Грозного съ Курд-
скими, письма смутного времени, потомъ, "тишай-
шего" Алексея Михайловича, особенно Петра Велика-
го и Екатерины II — все это цѣнный историческій
материалъ. Въ подобное время поднять вопросъ
о систематическомъ изданіи писемъ Петра Вели-
каго. Нельзя, конечно, не пожалеть этому делу
скорого и счастливаго окончания, ибо это было бы
капитальный и неоспоренный трудъ нашего вре-
мени.

Конецъ
первой части.

Необходимо изъдано : 1-20 стр. до издана.

Не лишнее прочитать : а Карам. 59-105.

— Солт. 168-200.